

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
Тел.: (812) 315-87-28
orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXII, 2019, № 1

Выходит 2 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: Федеральное государственное учреждение науки
«Институт восточных рукописей РАН»

**Посвящается 120-летию со дня рождения монголоведа
Л. С. Пучковского**

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь,*
кандидат филологических наук (Россия)
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Биргалан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чешская Республика)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Л. Г. Скородумова, *доктор филологических наук (Россия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,*
профессор (Россия)
С. Чулуун, *доктор исторических наук,*
профессор (Монголия)
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Формат 60x90 1/8. Объем 13¹/₄ печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»
Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., д. 5 e-mail: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/vbpx-hh10

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский музей), 2019

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI 10.25882/5zmd-3584; © Л. Г. Скородумова, 2019

Роман

Глава двенадцатая

Ветки ивы и голос иволги — символы красавицы-весны.

Увядшие цветы и красные листья — символы красавицы-осени.

Ши Линъюнь так стремился к истинной красоте, что ни о чем другом не мог думать.

Он вошел в беседку, поднял руку и произнес:

— Почтеннейший, приветствую вас. Я — Ши Линъюнь из уезда Волин. Низко вам кланяюсь.

Юноша сидел неподвижно, даже руки не поднял. Только сверкнул глазами и спросил:

— Чем вы занимаетесь? В Ханчжоу я о вас ничего не слышал, даже фамилия ваша мне не известна.

— Я книжник, — ответил Ши Линъюнь. — Старица Ли меня давно знает.

— А я было подумал, что вам просто хочется выпить.

— Нет, уважаемый, я с детства пристрастился к книгам и, увидев, насколько свободно вы обращаетесь с кистью, дерзнул явиться сюда и выразить вам свой восторг.

— Можно подумать, что вы тоже умеете сочинять стихи! Я ведь имею в виду не то, что сочиняют рифмоплеты, вроде деревенских пастухов, а истинное искусство, такие стихи, как «За семь шагов» Цао Чжи или песни Ли Цинлянь, написанные после возлияний. Вы, вероятно, бедный ученый. Умеете рифмовать с ходу, что на ум взбредет. Но со мною вам не сравниться.

Ши Линъюнь сел на стул и, холодно усмехнувшись, промолвил:

— Чем попусту болтать, давайте посостязаемся, тогда и посмотрим, кто чего стоит.

— Ну, раз вы такой смелый, можно попробовать. Тому, кто замешкается или не сможет ничего придумать, предлагаю назначить штраф. Но кто нас рассудит? Учитель выпил лишнего и уснул!

— Со мной здесь мой друг, — ответил Ши Линъюнь, — он родом из Ханчжоу, если не возражаете, можно его пригласить.

Только он это сказал, как появился Юйхэ и с поклоном произнес:

— Если два мудреца задумали сражаться рифмами, я, с вашего позволения, охотно возьму на себя роль судьбы.

— Тогда давайте выпьем вина, — предложил Пуюй, жестом приглашая Юйхэ сесть. — Вы хоть и не за этим пожаловали, но надо промочить горло.

Не успел Ши Линъюнь выпить два бокала, как почувствовал вдохновение и предложил выбрать тему.

— Иначе, — сказал он, — все мои Десять пальцев обернутся драконами и улетят.

— Пишите сами по себе, — проговорил юноша, — ведь вы уверены, что я преувеличиваю свои способности. Одну строку сочинять вдвоем невозможно.

Как только будет написана первая строка, один из нас поднимет наполненный вином кубок, а кто-нибудь из актрис споет. После этого надо будет осушить бокал и придумать рифму. У кого не получится, тот выпьет три чашки холодной воды. А получится — мы оба выпьем по бокалу вина. Если же рифма окажется грубой и никуда не годной, лицо сочинителя вымажем тушью, и он будет изгнан с позором. Только прошу без всяких обид. Так что вы, почтенный, подумайте и, положив руку на сердце, скажите, согласны вы или нет.

— Превосходно, лучше и не придумаешь! — смеясь, ответил Ши Линъюнь. — Меня еще никогда не мазали тушью. Так что разок можно и это стерпеть.

По крайней мере, будет забавно. Но разве можно ваш светлый лик мазать тушью, придется использовать киноварь. Выбирайте живее тему!

— А что выбирать? Сегодня мы слушали голос иволги в павильоне Десяти тысяч ив. Вот вам и тема, — сказал юноша и написал первую строку:

Слышны мне птичьи голоса весенним днем, средь ив
зеленых.

Он отложил кисть, девушка подняла бокал и за-
пела. Заиграли музыканты, и кисть взял Ши Линь-
юнь.

В объятии переплелись, друзьям подобно, тополь
с вязом.
Под теплым ветерком весны их листики трепещут
разом.

Пуую кивнул головой, велел снова налить вина,
взял кисть и написал:

Умытые дождем весны, деревьев ветви заблестели.
За несколько последних дней они вовсю зазеленели.

Лицо Ши Линьюня озарилось радостью, и он на-
писал:

На ивах рощицы степной желтеет жаворонков стая.
Пронизывают синь небес они, над деревом взлетая.

Юноша наблюдал за ним и, не успев Ши Линь-
юнь дописать, начал его хвалить:

— Замечательные стихи! Особенно хороша стро-
ка: «Пронизывают синь небес они, над деревом взле-
тая».

— Если к этим словам подберете рифму, я буду
считать вас истинным поэтом, — сказал Ши Линь-
юнь и выпил вино.

Заиграла музыка, Пуую взял кисть и написал:

Коль снизу, лежа, посмотреть — кружится белый снег,
порхая.
Шелк занавески на окне колышет ветерок, играя.

Ши Линьюнь одобрительно кивнул и произнес:

— Великолепная рифма! Особенно удачно соче-
тание белого снега с синими облаками. Эй, красави-
ца, всем по три бокала вина!

Тут вмешался Юйхэ:

— А по-моему, строка «пронизывают синь небес»
не вяжется со строкой «желтеет жаворонков стая». И
еще не пойму я, при чем тут снег.

— Как при чем? — рассмеялся Ши Линьюнь. —
Вот он, прямо перед глазами. — Он рукой показал на
летающий в воздухе пух, после чего взял кисть и на-
писал:

На ветке иволга видна — садясь и снова вверх взлетая,
С утра до вечера поет, щебечет птичка золотая.

— Хватит нам то и дело вскакивать с места, —
проговорил Пуую, — лучше сразу все написать и
выпить вино.

— Именно это я и хочу, — сказал Ши Линьюнь.
Тогда Пуую снова взял кисть и написал:

К востоку с запада легла и протянулась тень отвесно.
Прозрачная накидка — вот наряд красавицы
прелестной.

Ши Линьюнь продолжал:

Мотив чудесный уловить поэтам суждено не многим.

— Удивительный мастер, необыкновенный! — не
переставая восхищаться, захлопал в ладоши Пуую.
Ши Линьюнь снова взялся за кисть:

Коляска прибыла почти и вдруг застряла на дороге.

Пуую дописал:

Когда увидел я тебя — душа моя возликовала.
У балагура есть всегда словечко острое, как жало.

Снова стал писать Ши Линьюнь:

Тень красоты едва скользит — легла под тонкими
бровями.
Без устали могу смотреть на воду с первыми цветами.

Охваченный восторгом, Пуую взял у Ши Линь-
юня кисть:

Веселый возглас прозвучал — великий праздник
для глухого.
Метнулась тень — как будто песнь оборвалась
на полуслове.

Ши Линьюнь рассмеялся:

— Забавная мысль! Сначала была ива как ива,
птица как птица, а в этой строке ива рифмуется с
птицей и наоборот. Кто, кроме меня, Ши Линьюня,
смог бы найти рифму к строке, где есть слова «тень»
и «песня».

И он уверенно написал:

Под звуки песни тень длинна — идет и движется
по кругу.
Друзья желанные сошлись и снова обрели друг друга.

Заключительную строку сочинил Пуую:

И счастье обрели вполне
Прятели в хмельном вине.

Итак, завершив состязание, поэты радостно за-
смеялись, обнялись, поправили на себе одежды, до
самой земли поклонились друг другу и снова сели.

— Мне давно известно ваше драгоценное имя, —
промолвил юноша, — вы и в самом деле настоящий
поэт, без обмана.

— Нынче нас связали узы поэзии, и теперь я хотел бы услышать ваше славное имя, почтенный, — сказал Ши Линъюнь.

— Пусть останется оно для вас пока не известным, — ответил юноша.

— Как же так, — возразил Ши Линъюнь — Встретились родственные души, а как зовут друг друга, не знают!

— Если я назову вам свое имя, — с улыбкой произнес Пууюй, — станете меня презирать!

— Такой талант я не могу презирать, будь вы знатный богач или безродный бедняк — это не имеет никакого значения.

— Ну, если вы обещаете явить ко мне снисхождение, скажу вам всю правду, — согласился Пууюй. — Я тот самый молодой Бэнь, сын князя Бэня, о котором говорил вам Сяньчжан. Мое имя — Пууюй.

Тут Ши Линъюнь громко расхохотался:

— Ах, вот оно что! Оказывается, вы — княжеский сын! Но я давно мечтал с вами встретиться, — сказал он с поклоном.

Пууюй тоже хотел поклониться, но в это время Ли Сяньчжан громко зевнул, открыл глаза и поднялся с места. Он схватил Ши Линъюня за руку и закричал:

— А, Ши — третий! Помнишь, ты говорил, что в богатых домах не бывает талантов, что книги там не в чести, а потому ты не желаешь вести с ними дружбу? Сколько раз я предлагал тебе пойти вместе со мной к молодому господину, но ты под любым предлогом увивал. А сегодня вдруг сам заявился, без приглашения? Выходит, ты тоже заискиваешь перед богачами? Как и я?

— Я тогда не пошел из-за Чжэнь Гуана, — рассмеялся Ши Линъюнь. — Думал, этот юноша такой же мудрец, как он. Но ошибся. И все из-за тебя.

— В чем же моя вина? — спросил Ли Сяньчжан.

— Если бы не ты, я ни за что не пошел бы к Чжэнь Гуану и уже давно встретился бы с молодым князем.

— Да у тебя каждый день находилась причина, только бы не идти, — смеялся Ли.

— Не отчаивайся, само Небо отвело тебя от этого Чжэнь Гуана.

— Чем говорить о всякой чепухе, давайте лучше сядем за стол, — вмешался в разговор Пууюй, велел убрать стоявшую на столе еду и принести новую.

Ши Линъюнь встал и с поклоном проговорил:

— Очень рад был познакомиться. Но мне пора, дела не ждут. Пууюй взял его за руку:

— Почтенный, не каждый день бывают такие встречи. Посидите еще немного!

— Судя по приготовлениям, князь, вы ждете гостей, — отвечал Ши Линъюнь, — и я могу оказаться некстати.

— Почтенный, — ответил Пууюй, — отгадайте, кто будет нынче самым важным гостем?

— Откуда мне знать, — сказал Ши Линъюнь, — у вас все гости важные! Ваны да гуны.

— Ну, тогда я угадаю, — заявил тут Ли Сяньчжан. — Самым важным гостем будет брат Ши Линъюнь!

— Что за шутки, почтеннейший Ли. Скажи правду, кого ждут?

— А это не шутки, — промолвил Пууюй, — вы и есть важный гость.

Ши Линъюнь растерялся и говорит:

— Значит, пир был задуман давно. Не мог же я оказаться желанным гостем, да еще самым важным, если явился без приглашения!

— Скажу откровенно, — признался Пууюй. — Учитель Ли давно рассказал мне о ваших необыкновенных талантах и вашей учености. И с тех пор я лишился покоя. Сколько раз просил я учителя привести вас, но вы не верили, что богатый может быть умным и образованным, и потому не хотели идти. От учителя Ли я узнал, что вы как огня боитесь знатных домов и как жизнь цените талант и ученость. Вот и пришлось пуститься на хитрость, чтобы заполучить вас к себе. Я попросил господина Юя приготовить жидкое вино, чтобы «заманить рыбака цветами персика»¹. Мои незамысловатые строки вызвали у вас вдохновение, в этом я убедился воочию. Учитель Ли притворился пьяным, я сделал вид, что не знаю, кто вы. Словом, это была шутка! А чтобы загладить свою вину, мы устроили возлияние, потому что искренне и по-доброму к вам относимся. И конечно же, вы, почтенный Ши, наш самый дорогой гость.

Ши Линъюнь разразился хохотом:

— Любезный мой брат, так вот, оказывается, сколь велико и неотступно стремление познать новое! Но оно натолкнулось на мое упрямство. Мой же невольный порыв оказался на руку старому другу, он хотел сделать добро, старался всячески помочь князю, но это оказалось не в его силах. — И Ши Линъюнь повернулся к Юйхэ:

— Почему вы сразу мне не сказали, что молодой князь жаждет встречи со мной?

— Скажи я об этом, вы нашли бы предлог отказать.

Все рассмеялись и стали хлопать в ладоши. Потом снова началось возлияние, блюда с яствами сменяли друг друга, слух друзей услаждали нежные звуки флейты, чудесные песни.

Пууюй исподтишка рассматривал Ши Линъюня. Стройный, красивый, он был прекрасен, словно гора Сумэру. Излом бровей — очертания хребтов, дыхание легкое, глаза — осенние прозрачные воды.

Оба — и юноша, и зрелый муж — ученостью своей и талантами заслуживали уважения, от гнева и

¹ «...Заманить рыбака цветами персика». — Имеется в виду одно из самых известных произведений поэта Тао Юаньмина (365–427) «Персиковый источник», в котором рассказывается, как один рыбак однажды, следуя по реке на лодке, оказался в стране счастья, где люди живут в равенстве и труде и наслаждаются миром и весельем.

досады не осталось и следа, желание исполнилось, в душу снизошел покой.

Зал Десяти тысяч ив — прелестный уголок, одна из десяти достопримечательностей озера Сиху. Здесь любят густыми рощами и слушают пение иволги.

Миновало без малого полтора месяца с тех пор, как Пуюй обрел желанного друга. И если в какой-то день один не приходил, другой уже тревожился. Они вместе совершенствовались в стихосложении, и от этого дом обрел свою былую прелесть, а тоска по цитре и курильнице немного поутихла. Но однажды явились управляющие, которых посылали в Сучжоу, и рассказали следующее.

Князь Бэнь как раз уехал с чиновниками осматривать побережье, и княгиня Цзинь повела управляющих во внутренние покои, чтобы подробно их обо всем расспросить. На вопрос, когда приедет госпожа Бэнь, Гучжэнь ответил:

— Ваш слуга собственными глазами видел, что на ремонт потребуется по меньшей мере четыре месяца, это только чтобы привести в порядок то, что на виду, и главный павильон. Так что до зимы госпожа не приедет. — Сказав это, Гучжэнь передал подарки.

Княгиня Цзинь позвала Пуюя и велела ему прочесть письмо. Пуюй вскрыл пакет, на котором было написано: «Младшая сестра Бэньчжу шлет привет, опустив рукава, со всем почтением кланяется брату и невестке», и стал читать: «Мы родня, а как давно уже в разлуке. Как пара гусей, которых разлучили горы и реки. Смена времени года навевает печаль. После того, как мы, оплакав матушку и скорбя, расстались, на мою долю выпало много страданий. Слезы душат, стоит подумать, что матушки нет в живых, а брат собрался в дальние края. Еще прошлой весной, когда невестка навестила меня, мы сосватали наших детей. И теперь день и ночь я мечтаю о встрече с вами, но никак не могу отправиться в путь. Посылаю Ду Цзинчжуна привести в порядок старое родовое поместье, а заодно проведать вас и передать от меня поклон. Пусть явит брат снисхождение к моей слабости. Как только все будет готово и Ду Цзинчжун вернется, я к вам приеду. Бедная ваша сестра сто раз кланяется брату и невестке и припадает к вашим стопам. Кланяются вам низко дочь Шэнжу и сын Мэнжуй...»

Пуюй еще не дочитал до конца, а по щекам княгини покатались слезы, сердце сжалось от тоски. Звякнул колокольчик, возвестивший о том, что идет князь Бэнь. По дороге ему попались управляющие. Пуюй вышел навстречу отцу. Князь переоделся, выпил чаю, после чего княгиня показала ему письмо и подарки.

Прочитав письмо, князь потерял бороду, тяжело вздохнул, сказал что-то неопределенное и пошел к себе в кабинет, намереваясь поговорить с Гао Чжэнем. Княгиня Цзинь тем временем принялась рассматривать подарки. Там были всевозможные безделушки, рукодельные принадлежности, а также разная мелочь для служанок.

Фушоу сидела у окна с вышиваньем. Когда появился Пуюй, она оставила вышиванье и стала готовить чай. Вдруг прибежала девочка-служанка и крикнула в окно:

— Сестрица Фу, ты дома?

— Дома. А что случилось?

Девочка просунула сквозь бамбуковую занавеску сверток:

— Возьми! Это тебе подарок от новой госпожи.

— Ну что за озорная девчонка! — засмеялась Фушоу, беря сверток. — Какая еще новая госпожа? С какой стати ты прибежала?

Девочка ничего не ответила и умчалась.

— Ну-ка, покажи, — попросил Пуюй. — Это, наверное, от сестрицы Шэнжу. До чего же несносными стали эти девчонки!

Фушоу развязала узелок и вынула завернутое в красную бумагу бирюзовое колечко.

— Барышня Шэнжу меня не забыла, — промолвила Фушоу. — Хорошо помню, как в том году, летом, приехала барышня Цинь и привезла четыре колечка — малахитовое отдала сестрице Мяо-луань, бирюзовое — сестрице Сюфэн, агатовое — барышне Цзинь-пин, а совсем маленькое, из зеленого нефрита, оставила себе, оно ей очень понравилось. В Цветочном павильоне тогда было столько народу, такое веселье! Но за те несколько лет, что прошли после кончины молодой госпожи, все изменилось, одни уехали, других не стало. Много воды утекло, рассеялись облака. Стало скучно, безлюдно. Недаром говорят, у каждого своя судьба и никто не волен ею распоряжаться.

Пуюй тоже вспомнил былые времена и своих прежних друзей и, сдержав слезы, с улыбкой проговорил:

— Фушоу, а тебе, наверное, очень хотелось получить это колечко?

— Не только мне, и другим, что повыше меня, хотелось. Ведь в то время меня и человеком-то не считали! Только барышня Лу всегда обо мне заботилась!

— Мне надо было сказать, и ты получила бы колечко.

Фушоу, смеясь, поправила прическу.

— Спасибо за доброту! Но разве могла я тогда принять от тебя подарок?

Во время их разговора вдруг пришли слуги звать Пуюя к отцу.

— Напиши тете письмо, — приказал отец, — и сообщи, что мы пошлем человека с деньгами, чтобы поскорее закончить ремонт, и к концу лета она сможет переехать. А здесь до седьмого месяца надо оклеить стены. Напиши все подробно.

Пуюй кивнул, вышел в соседнюю комнату, написал письмо и принес отцу.

Князь Бэнь прочел, собственноручно поставил печать, заклеил конверт и, передавая его Гун Гао, велел сказать Ду, что ехать ему сюда незачем. Пусть побыстрее уладит дела и отправляется домой. Затем

князь приказал Пуую проследить за тем, как готовят подарки для родственников, и за сборами в дорогу.

Время летит быстро. Промелькнуло лето, подул западный ветер, полетели желтые листья, и незаметно подкралась осень. Однажды к Пуую пришел странник с мечом и подал красный листок бумаги.

Это было приглашение.

«Вот уже несколько дней дует западный ветер, я тоскую по другу. Завтра осеннее равноденствие. На горе Пиньшань, как обычно, я приготовил вина и приглашаю вас в гости. Приходите, если не поленились ступить лишних полшага, и возьмите с собой почтенного Ли. С глубоким поклоном и уважением, бедный ученик ваш».

Пуую улыбнулся:

— Приглашение, а какое занятное! Ведь и вправду, завтра девятое число девятого месяца. Говорят, горы Пиньшань и озеро Сиху особенно хороши осенью. Передай учителю Ли, что мы с ним завтра туда отправимся, только пусть не очень докучает почтенному Ши.

Слуга кивнул и пошел к учителю Ли.

На другой день, сразу же после завтрака, Пуую с Ли надели дорожное платье и не спеша вышли из города. И в самом деле, дул западный ветер, по высокому небу плыли редкие облака. Трава по обочинам дороги пожелтела, под ногами — красные листья. В горах Пиньшань на южном берегу озера Сиху стоит монастырь Драконов колодец. На горных склонах цветущие луга. Слух услаждает пенье птиц.

Ши Линъюнь уже был здесь, снял келью у одного монаха и вместе с Юйхэ и несколькими юными послушниками спустился на дорогу встречать гостей.

— Дорога неблизкая. Почему вы не верхом? — спросил Ши.

— Предпочитаю ходить пешком, — с улыбкой ответил Пуую, — гораздо полезнее. А вы давно здесь, почтенный Ши? Стоило ли так беспокоиться?

Ши Линъюнь с поклоном ответил:

— Со вчерашнего дня, приготовил угощение для уважаемого господина.

За разговором не заметили, как пришли в монастырь. Надпись на воротах стерлась и была едва различима:

Когда снисходит вдохновение, иду к воде
полюбоваться отражением луны.

Когда читать наскучит, поднимаюсь в горы послушать
колокольный звон.

Пуую подумал, что надпись эту сочинил человек, без сомнения, талантливый. Настоятель храма, преподобный Тао Чжао, не мог встретить гостя, и пригласить Пуую вышел старший монах.

Келья была чисто прибрана, пол подметен. Резьбу на ширмах нельзя было назвать искусной, зато расставлены они были со вкусом. На стене картина с изображением судьи подземного царства, в шапке и халате с драконами. Руки у судьи заложены за спину. За ним следует тощий черт, совершенно голый, с

зонтиком в руках. Идея картины — торжество справедливости. Пуую не мог скрыть своего восхищения:

— Кто автор этой картины? — спросил он.

— Местный художник, — ответил монах.

— А где он живет? Как его имя, в каком он звании?

— Он мой земляк, живет в монастыре «Убежище душ», звания не имеет. Молод еще, — сказал монах и добавил:

— Садитесь. Чай готов.

После взаимных поклонов все сели к столу. Восемь бессмертных, и каждый занял положенное ему место. Стол был уставлен всевозможными яствами и винами.

— Почему в этот день по обычаю поднимаются в горы, собирают и сушат траву, пьют вино? — поинтересовался Юйхэ.

— В книге «Необходимые познания о древних деяниях», — стал объяснять Ли Сяньчжан, — есть история о некоем Хуань Цзине и его учителе — волшебнике. Так вот, однажды волшебник сказал ученику: «В день двойной девятки (то есть девятого числа девятого месяца) у тебя случится несчастье. Чтобы избежать его, надо бы набрать в мешок травы чжужуй, отнести мешок на вершину высокой горы и выпить там желтого вина». Хуань Цзин все сделал, как сказал учитель, и с ним ничего не случилось, а вернувшись домой, нашел мертвыми свою собаку и кур. Впоследствии собирать траву и подниматься в горы вошло в обычай.

— Зачем же нам подражать этому юноше, если мы не ученики волшебника? — улыбнулся Пуую.

— А мы поднимаемся в горы не для того, чтобы избежать несчастья, — возразил Ши Линъюнь, — а чтобы подышать удивительным горным воздухом, который нам дарят Земля и Небо. Ведь без причины не станешь карабкаться в горы, а так есть повод. А какие стихи мы там сочиним! Они будут прекрасны, как распустившиеся цветы сливы.

— У меня дома не то что собак и кур, кошки и то нет, есть, правда, мыши, но если они передохнут, я буду только рад, — заметил Юйхэ под общий хохот.

— Как-то скучно сидеть и пить в тишине. Что, если придумать застольный указ? — произнес Ши Линъюнь.

— Мы — ваши гости, почтенный Ши, — сказал с улыбкой Пуую, — и ваше желание для нас — закон.

— Только надо придумать что-то новое, интересное. Почтенный Ли у нас самый старший... Он многое видел, многое знает. Давайте сделаем его распорядителем пира!

— Сегодня главный гость — молодой князь, — возразил Ли Сяньчжан, — пусть он и будет распорядителем.

Пуую между тем не мог отвести глаз от картины и снова спросил, кто ее автор.

— Люди зовут его Юэй Цзян, — ответил монах, — он хоть и молод, но ни к чему земному не питает пристрастия. Он добр и великодушен.

Ши Линъюнь попросил Пуюя придумать указ, но Пуюй вежливо отказался и указал на Ли. Ли согласился, выпил вина и сказал: «Слушайте!»

Если вы хотите знать, какой указ придумал Ли Сяньчжан, прочтите следующую главу.

Глава тринадцатая

*Звонкий феникс взлетел и исчез в белых облаках.
Синяя дымка обволокла желтый холм.*

Затем Ли Сяньчжан сказал:

— Раз уж вы попросили меня придумать указ, слушайте внимательно! Первым делом надо перемешать костяшки так, чтобы они лежали вверх тыльной стороной. Один из нас вытаскивает костяшку, смотрит, что на ней изображено, и читает соответствующие изображению строки из танской поэзии. Таков будет застольный указ. Кто его нарушит, выпьет три штрафных бокала — соответственно трем строкам. Юйхэ, нахмурившись, сказал:

— Это очень трудно. Сколько надо знать назусть стихов?

Ши Линъюнь возразил:

— Лучше трудно, чем легко. По крайней мере, интересно. Есть над чем подумать!

— В таком случае, — добавил Пуюй, — надо еще кого-нибудь пригласить, чтобы мешал костяшки.

В это время настоятель монастыря, узнав о том, что пожаловали такие дорогие гости, прислал бутылку шаосинского вина, которое хранил много лет для самых почетных гостей, делающих пожертвования. Вино принес Чжучжи, его и попросили мешать костяшки. Он не стал отказываться, сел, взял ящик с костяшками, тщательно перемешал, вытащил две, которые в сочетании значили «бабье лето в октябре», и сказал:

— Итак: «В десятом месяце наступило бабье лето».

Ли Сяньчжан произнес:

— Утверждаю, что этот праздник самый веселый. В городе нет места, где бы не разносился пух.

— Должно быть «цветок», — возразил монах, — а ты говоришь «пух».

Ли Сяньчжан не задумываясь прочел:

Никто не может удержаться, чтобы не спросить
о цветах, что возле ворот.

И осушил бокал вина. Все стали его хвалить, а монах вытащил еще три костяшки и сказал:

— Растаял снег, и открылись проталины весной.

Настала очередь Пуюя. Он выпил вино и прочел такие стихи:

Восточный ветер гонит волны, переливается зелень.
Каждый уносит снег от своих дверей.

— Почему вместо «вылетает» ты прочел «уносит»? — спросил монах, и Пуюю пришлось прочесть еще строку:

Сколько раз звал слугу отмести снег — все бесполезно.

После этого он выпил вино, а монах снова вытащил костяшки и сказал:

— «Семь мудрецов из бамбуковой рощи».

Ши Линъюнь прочел:

Проезжая мимо бамбука и осоки, попал прямо на пир
монахам.

— Неправильно! — произнес монах, тогда Ши прочел:

Ученые мужи возвращались, и паланкин летел, словно
птица.

— Почему вместо «коня» «паланкин»?

— Дорогу занесло снегом, как поедешь на коне?

Монах опять смешал костяшки и с улыбкой проговорил:

— А теперь «Луна над макушкой сливы».

Подошла очередь Юйхэ, он выпил вино и сидел как ни в чем не бывало. Монах стал его торопить. Тогда Юйхэ, скорчив недовольную мину, сверкнул глазами и выпалил:

— Над деревом взошла луна, а я при чем? Что вы ко мне пристали?

Все стали смеяться, говоря:

— Ты должен прочесть из танской поэзии.

— Я вам сразу сказал. Никаких подходящих танских стихов я не знаю.

— Но ты согласился играть, а за нарушение правила штраф, — заявил Ли Сяньчжан, — но как бы там ни было, одну строку ты должен прочесть!

— Не просто строку, — пояснил монах, — а чтобы она соответствовала тому, что написано на костяшке.

Юйхэ растерялся:

— Ладно, учитель, вы не сердитесь, я постараюсь. — И он прочел:

Засияла луна, и буддийский монах постучал в ворота.

Все сразу поняли, что это он выдумал, и расхохотались. Монах тоже не удержался от смеха, наполнил большой бокал, подтащил Юйхэ за уши и хотел вылить вино ему в рот, но Юйхэ взмолился:

— Учитель, пощадите! Эту строку я и вправду не сам придумал. Рассказывают, что в давние времена один деревенский старик сел на осла и поехал в го-

род. По дороге стал сочинять стихи и наткнулся на повозку Ханьюя — литератора и сановника. Ханьюй велел стражникам схватить старика, и тот на вопрос Ханьюя ответил: «Я, пока ехал на осле, сочинил прекрасную строку: „Птица поселилась на дереве возле пруда“ — и стал подбирать к ней рифму. Подобрал: „Под луной толкается в ворота монах“. Затем я подумал, что „стучится“ больше подойдет, чем „толкается“, и стал размахивать руками, чтобы представить себе, как это будет. И так увлекся, что не заметил вашей повозки». Ханьюй, очень довольный, объявил старика своим другом. Эту самую строчку я и прочел.

— Допустим, — сказал Ши Линьюнь, — но по уговору в строке должно быть пять слов, а у тебя получилось семь. Так что придется тебе выпить штрафной.

Он стал просить Ши Линьюня прочесть вместо него стихи, но тот отказался.

— Раньше выпей свои три штрафных, а уж потом я за тебя прочту, — заявил он. Пришлось Юйхэ выпить, и Ши Линьюнь выполнил свое обещание, прочтя такую строку:

Цветок распространяет аромат, а луна — сияние.

Но монах не унимался, требуя, чтобы Юйхэ сам прочел стихи. Добрых полчаса Юйхэ думал, а потом прочел:

Легкие облака, ласковый ветер принес зимний иней.

Опять раздался смех.

— Оштрафовать его! Ничего похожего ни на луну, ни на цветок. И ритм стиха нарушен — первое слово никак не сочетается с последним.

Юйхэ рассердился:

— Что за люди! Все им не так. С таким трудом я вспомнил строку, а вы говорите, что не годится!

— «Легкие облака и ласковый ветер», — принялся объяснять Ли Сяньчжан, — символизируют весну, хорошую погоду. А «зимний иней» как раз наоборот. Так что пить тебе штрафной!

Пришлось Юйхэ согласиться, после чего Ши Линьюнь снова прочел вместо него стихи:

Гость, пододвинув чашку чая, выпил,
Чтоб собеседнику напомнить о себе.

Но тут Юйхэ вдруг закричал:

— Вы только послушайте! Ведь ни цветов, ни луны в его строке нет!

Ши Линьюнь замаха л руками:

— Помолчи лучше и послушай следующую строку. В разговор вмешался монах.

— У нас вино и закуски, при чем же здесь чай? — спросил он.

Тогда Ши Линьюнь прочел такую строку:

Холодной ночью пришел гость, и вместо вина пили чай.

Охваченные восторгом, все захлопали ладонями по коленкам и принялись возносить хвалу Ши Линьюню: «ночь» сочетается с «луной». Все четыре строки будто связаны живой нитью. Стихи старые, но как прекрасно подобраны по смыслу! Господин Ши — истинный поэт!

Юйхэ закатал рукава и с громкими возгласами стал «выбрасывать» пальцы. Он был уже изрядно навеселе, но продолжал пить. Неожиданно за Пууюем явился слуга. Он сказал, что из Сучжоу вернулся Гун Гао. Пууй, опасаясь вызвать отцовский гнев, не стал задерживаться, извинился, вместе с Ли они сели в лодку и отправились в обратный путь.

А Юйхэ, хотя едва держался на ногах от выпитого вина, пошел с Ши Линьюнем в горы.

Расскажем теперь о Гун Гао. В начале лета он отправился по приказу князя Бэня в Сучжоу, а княгине Бэнь отправил письмо и подарки. Вместе с Ду Цзиньчжуном они занялись ремонтом дома, который закончили в Среднем осеннем месяце. После этого дней через десять приехала княгиня Бэнь с сыном, отправила людей поблагодарить брата за помощь, а также передать, что все здоровы. В пути задержало одно забавное происшествие.

Княгиня Бэнь была в полном отчаянии, когда вдруг получила письмо от брата. Начались сборы в дорогу. В три лодки погрузили имущество, а также слуг, мамок, нянек, всего человек пятнадцать. Поплыли на юг. Стояла осень, дул западный ветер, лодки шли быстро. Но неожиданно ветер утих, наступила жара, и на воде, пожалуй, было хуже, чем на суше. Шэнжу велела Чжисян достать веер из багажа.

— И в самом деле, очень жарко, — заметила княгиня. — Такая резкая перемена погоды! Вряд ли веер поможет. Лучше одеться полегче.

— Конечно, — сказал Мэнжуй. — Видите, матушка, на том берегу рыбацкую лодку? Там все разделись. Кто пьет вино, кто рыбу чистит, а один парень обмахивается соломенной шляпой, как веером. — Мэнжуй рассмеялся. Княгине Бэнь хоть и было грустно, но она радовалась, глядя на детей.

Однажды в полдень лодка пристала к берегу Хуачжоу. Вдруг с северо-запада надвинулась туча, стало греметь, засверкали молнии. Налетел ураган — будто тысячи всадников мчались с криками верхом на конях. Огромные волны закрыли тучи. Ветер, казалось, вот-вот сорвет с лодки навес. Все смешалось: север, юг, запад, восток.

Волны, кипя и пенясь, швыряли лодку из стороны в сторону. Княгиня с детьми забила в угол и, сложив ладони, взывала к Будде. Вдруг лодка накренилась, и ее бросило в узкий проток.

Лодка, где находился сосуд с прахом господина Мэна, вертелась на середине реки, словно молитвенное колесо, и вдруг, подхваченная ветром, устремилась вниз. Гребцы закричали, налегли на весла, но сделать ничего не могли. Лодка врезалась носом в берег, корма треснула. К счастью, задняя часть уцелела, и волнами ее тоже унесло в проток. Хлынул ливень, ветер немного утих.

Княгине Бэнь стало дурно, голова кружилась, сердце бешено стучало. Перепуганные служанки побежали к гребцам.

— Нет ли где-нибудь поблизости селения? — спросили они. — Княгине необходимо передохнуть.

Гребцы охотно согласились сделать остановку, тем более что лодка требовала починки.

— Здесь неподалеку есть женский монастырь Белых облаков. Вы с госпожой можете там передохнуть.

Дождь тем временем перестал, тучи ушли на восток. Служанки еще из лодки увидели вблизи от берега рошу, между деревьев виднелись бамбуковые изгороди, домики, мазанки с маленькими красными дверьми. Служанки пошли к госпоже. Юаньсяо сказала:

— Госпожа, вы плохо себя чувствуете, почему бы вам не отдохнуть немного на берегу? А гребцы пока починят лодку. Это займет немного времени.

Княгиня Бэнь, услышав это, вначале рассердилась, а потом, скрепя сердце, поддавалась на уговоры. Но прежде чем сойти на берег, она вместе с младшими служанками пошла на лодку, где была урна, поставила ее на прежнее место и лишь после этого сошла на берег. Лодку починили очень быстро, и слуга пришел об этом доложить.

Мэнжуй, едва кончился дождь и стих ветер, решил прогуляться по берегу. Воздух был чистым, дышалось легко. Пошла вместе с ним и княгиня, наслаждаясь тишиной и свежестью. Она сразу почувствовала себя лучше. Поросшие лесом горы вокруг казались синими. Подобную красоту можно было увидеть лишь на картине. Они прошли через рошу, миновали поле и вскоре очутились у ворот монастыря. Здесь росли раскидистые деревья, кронами уходившие в самое небо. За монастырем была бамбуковая роща. Приветствовать княгиню вышла настоятельница с двумя юными послушницами. Она была в накидке из журавлиного пуха. Волос на голове — не больше, чем у младенца. Княгиня с улыбкой отвесила поклон, и все вместе они вошли в маленькую калитку. Здесь они первым делом поклонились изображению бодисатвы Гуаньинь, обошли его и оказались перед главным храмом, где по обеим сторонам галереи росли четыре огромных куста черемухи, а вокруг множество разноцветных лотосов, которые блестели и переливались, словно шелк. Справа и слева крышу храма украшали козырьки, за храмом, окруженные изгородью, виднелись домики, дополняя эту живописную картину. На воротах главного двора висела доска с надписью из четырех иероглифов: «Среди аромата белых облаков», а по бокам парные надписи:

Ущербная луна, холодный ветер.

Утром — колокол, вечером — барабан.

В прекрасных травах и чудесных цветах —
ароматы души и светильника.

Княгиня вздохнула, зажгла ароматические свечи перед святыми с четырех сторон и помолилась. Затем настоятельница ударила в колокол, слуга передал деньги на свечи и светильники, и княгиню пригласили пройти в зал. Когда все расселись, настоятельница позвала:

— Фэйтан!

Тотчас явилась младшая послушница, коротко остриженная, с живыми, веселыми глазами.

— Принеси чашку твоей наставницы и угости госпожу чаем, — приказала настоятельница.

Когда девочка ушла, княгиня спросила:

— В этом монастыре, почтеннейшая, кроме вас есть еще наставницы?

— Ее наставница — тоже моя ученица, — с улыбкой ответила настоятельница, — в прошлом году поселилась в монастыре. Совсем молодая, очень красивая и необыкновенно умная. Не знаю, что заставило ее уйти в монастырь. На все вопросы отвечает одно — что хочет избавиться от страданий. Что с ней случилось, не говорит, только плачет. Судя по всему, она если не из княжеского дома, то наверняка из знатного и богатого. Я сделала ее своей помощницей, экономкой и поселила во флигеле. Ведет она себя как-то странно. За ворота никогда не выходит, а если услышит, что явились пожертвователи, запирается у себя. Лишь изредка я беру ее с собой на молебен — когда из города Ян приходят княгини и барышни.

Пока они беседовали, Фэйтан принесла на маленьком подносе два бокала. Монашенка, которая шла следом за ней, увидев княгиню Бэнь, остановилась как вкопанная. А Шэнжу, в свою очередь, впиалась взглядом в монашку. Ее черные волосы, разделенные на две прядки, свободно свисали из-под маленькой шапочки, завязанный сзади пояс спускался двумя концами. Поверх кофты цвета осеннего бамбука была надета длинная безрукавка с синей и белой отделкой. Лицо белое, чистое, без единого пятнышка. Во взгляде кротость, нос точеный, прямой, брови — два молодых месяца, живые, с поволокой глаза, белые зубы — как у Шиши, изящные плечи и стройный стан, как у Ван Чжаоцзюнь¹. Губы — алые, в каждом движении — грация. Глаза нельзя было отвести от этой монашки, до того она была хо-

¹ Чжаоцзюнь (Ван Чжаоцзюнь; I в. до н. э.) — красавица из дворцов китайского императора Юаньди, которую император отдал в жены князю гуннов. Согласно известной легенде, Чжаоцзюнь, красавицу из гарема, император никогда не призывал к себе, так как каждый выбирал очередную подругу по портретам, а придворный художник, не получив от нее, как от других девиц, взятки, изобразил ее уродливой. Как самую некрасивую император и отдал ее в жены князю гуннов. О красоте Ван Чжаоцзюнь император узнал лишь на прощальной аудиенции, устроенной по случаю отъезда князя, и тут же влюбился в нее. Но договор был заключен, и Ван Чжаоцзюнь пришлось уехать на север, где она вскоре умерла, тоскуя по родине.

роша. Шэнжу ее лицо показалось знакомым. На кого же эта монашка похожа? И вдруг Юаньсяо воскликнула:

— Ой! Да это же сестрица Мяо-Луань из дворца Бэней! Разве не так? Как же она сюда попала?

Тут лицо молодой монашки озарилось радостью, и она вбежала в комнату. Княгиня Бэнь расчувствовалась, как говорится, «при виде цветка вспомнила о вазе». Ведь Мяо-Луань была в услужении у ее покойной матери. Слезы полились из глаз княгини, а Мяо-Луань подбежала, обняла ее колени и тоже заплакала.

Шэнжу подошла к Мяо-Луань, взяла ее за руки, и они долго плакали, утешая друг друга.

— Девочка, почему ты здесь, что случилось? — спросила княгиня.

— Долго рассказывать. Да и не место здесь для таких разговоров. Пойдемте ко мне! — предложила Мяо-Луань.

Княгиня согласилась, и они пришли к небольшому домику, слева от главного дворца. Дворик был очень уютный, густо засаженный деревьями и цветами. Среди зелени выделялась выложенная белым камнем дорожка, слева росла старая слива с погнутыми и покореженными ветвями, справа был маленький пруд, у подножья скалы цвело коричневое дерево, распространяя вокруг нежный аромат. Войдя в дом, княгиня и Шэнжу увидели на стенах картины и парные надписи, на столе — тонкой работы курильницу и деревянные молоточки. Во всем царил порядок.

— Не зря этот монастырь называют храмом Белых облаков, — с улыбкой сказала Шэнжу.

Мяо-Луань провела гостей в комнаты, усадила. Настоятельница, чтобы не мешать их беседе, удалилась, сославшись на то, что ей надо готовить чай.

Княгиня велела Мяо-Луань сесть на низенький стульчик и принялась расспрашивать, что да как. Мяо-Луань вздохнула, из глаз полились слезы.

— Все мои страдания, и настоящие, и по пустякам, госпоже известны, — промолвила девушка. — В этот год младший господин захотел взять меня в наложницы, но я заплакала и ехать с ним отказалась. Тогда жива еще была моя благодетельница, и они не посмели ничего со мной сделать. После ее кончины мой брат смилостивился и взял меня к себе. Но младший господин стал требовать, чтобы он отдал меня ему. Я уговорила брата подождать двадцать семь месяцев, пока кончится траур по госпоже. Прошлой весной траур кончился, а наш господин Бэнь уехал на юг. Вступить за меня было некому, и я не знала, как быть. Попросила княгиню взять меня с собой на юг, но она, опасаясь пересудов, наотрез отказалась. Мой брат тоже уехал. Я решила воспользоваться случаем, собрала вещи, наняла лодку и поехала следом за госпожой. По дороге узнала, что в здешнем монастыре есть девочка, которую я когда-то опекала у госпожи, и теперь она заболела. Я пошла к настоятельнице, попросила меня принять, она сжалилась и оставила меня здесь. Она добрая, забот-

ливая. Древние говорили: «Где тебе добро сделали, там и живи до смерти». С детства я была благодетельствована щедрой, словно обильный дождь, милостью почтенной госпожи. Я ни капельки не преувеличиваю. И одета была, и накормлена, ничуть не хуже господ из богатых и знатных домов. Мне скоро тридцать исполнится. Я больше не мечтаю встретить умного и красивого юношу. Одна радость у меня теперь: утром слушать колокол, а вечером — барабан.

Сказав это, Мяо-Луань снова заплакала. У Шэнжу тоже полились из глаз слезы.

— А ты упрямая, — с горечью глядя на Мяо-Луань, промолвила княгиня. — Почему отказалась стать наложницей господина? — И сыта была бы, и одета, и обута.

Мяо-Луань со вздохом сказала:

— Как я могла решиться пойти в этот ад? — И стала спрашивать княгиню о ее жизни, поинтересовалась, почему Шэнжу носит траур. Княгиня рассказала обо всем по порядку.

Недаром говорят: «Враги встречаются друг друга шипами, друзья — яблоками».

Шэнжу и Мяо-Луань всегда были дружны и сейчас не могли нарадоваться этой встрече в чужом краю. Вскоре настоятельница принесла чай, после чая поели и продолжили разговор. Вспомнили былые времена. Мяо-Луань, не переставая вздыхать, с грустью произнесла:

— Все красавицы из нашего дворца рассыпались по белу свету, как звезды по небу, а следом за ними — служанки, их словно ветром сдуло, смыло дождем. А какое было веселье, когда три сестрицы — Шэнжу, Циньмо и Лумэй и обе барышни Бэнь жили вместе. Не успели оглянуться, как все разлетелись в разные стороны. Этой весной я гостила на горе Пиншань. Там свежая могилка барышни Циньмо с надгробной плитой. До чего же коротка жизнь! Кто мог подумать, что барышня Циньмо так рано от нас уйдет!

Эти слова заставили вздрогнуть Шэнжу и княгиню Бэнь.

— Это правда? Она умерла? Что с ней случилось? Мы ничего не знаем.

— Почему она умерла, я тоже не знаю, — отвечала Мяо-Луань, — только на плите видела ее имя и фамилию. До горы Пиншань отсюда рукой подать. Можно сходить, тогда сами увидите!

Княгиня Бэнь помолилась, вздохнула, а Шэнжу заплакала. Тут в монастырь пришли слуги и сказали княгине:

— Лодка с прахом господина Мэна требует серьезной починки, хозяин требует возместить ему ее полную стоимость. А другую нанять невозможно, никто не сдает, боятся продешевить. Так что придется заняться починкой. Если даже работать без отдыха, на это уйдет не меньше пяти-шести дней.

Княгиня не знала, что делать. А старая монахиня, никогда не упускавшая случая получить деньги, принялась уговаривать княгиню оставить прах в монастыре. Пришлось княгине согласиться. Она велела

принести урну с прахом. Урну установили в молельном зале, сожгли бумажные деньги, покропили вином. Вечером Шэнжу снова завела разговор о сестрах.

— Вон там, на стене, — Мяо-Луань куда-то в сторону махнула рукой, — висит пейзаж — его дала мне перед отъездом барышня Лу. Я не могла с ним расстаться и привезла сюда. На нем стихи, собственноручно написанные барышней.

Шэнжу подошла ближе и увидела рисунок тушью «Дождь и дымка» Ми Сяньян. На рисунке деревья, бамбук, горы, скалы во время дождя. А рядом рукой Лумэй написано:

Как во сне промчались годы.
Каждый год в день весны грущу от ветра и дождя.
Этот печальный день в году словно проклят.
В сердце еще больше жалости.

Шэнжу вздохнула:

— Не знаю, сколько слез пролила барышня Лу, когда писала эти стихи.

Мяо-Луань рассмеялась:

— Плакала ли тогда барышня, неизвестно, а вот стихи нашего Пуюя она омыла слезами, для которых не хватило бы и котла.

— А ответных стихов Пуюя ты не видела? — спросила Цюй-фан. — Здесь их нет. Почему — не знаю.

— Нет, ответных стихов младшего господина я не видела. А вот его рисунок «Пейзаж» и рисунок барышни Цинь «Цветок и бабочка» у меня, я привезла их с собой.

— Можно посмотреть? — спросила Цюйфан.

— Они там, в комнате, висят на стене.

*Перевод со старомонгольского
Л. Г. Скородумовой*